

Анна Шилд
Ада Огнева



**ГРЕХ ПО КОНТРАКТУ
БОССА**

18+

Ада Огнева

Грех по контракту босса

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Грех по контракту босса / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

София Медведева живёт семейной переплётной мастерской и редкими книгами. Но исчезнувший жених оставляет долги, а Вадим Чернов выкупает обязательства и арестовывает дело её деда. Вернуть мастерскую можно только одним способом: подписать его контракт. София готова работать и бороться за каждый шанс, но у холодного миллиардера слишком личное представление о деловом соглашении. Он не привык уступать. Она не намерена становиться ещё одним приобретением. Между условиями сделки остаётся всё меньше места для отступления — и всё больше для желания, которого в договоре не было.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Шилд

Грех по контракту босса

Грех по контракту босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Утро пятого октября в Сretenских переулках пахло сырой брусчаткой, палой листвой и горьковатым дымом из котельной соседнего старинного доходного дома. Но внутри мастерской «Переплет времен» воздух оставался неизменным уже полвека: густой, плотный настой из вареного костного клея, старинной телячьей кожи растительного дубления, пчелиного воска, шеллака и сушеной лаванды, пучки которой София раскладывала по нижним полкам резных дубовых шкафов.

София Медведева стояла у широкого верстака из массива ясеня, покрытого зеленым сукном. На ней был простой рабочий фартук из небеленого льна с двумя глубокими карманами для костяных гладилок, а густые каштановые волосы с медным отливом удерживала на затылке тяжелая медная шпилька — подарок деда, Льва Ильича Медведева. Дед ушел два года назад, оставив ей мастерскую в этом двухэтажном флигеле конца девятнадцатого века, полувековую репутацию лучшей переплетной мастерской Москвы и бесценный архив старопечатных книг и рукописей, собиравшийся тремя поколениями их семьи.

Кончиками пальцев в тонких хлопковых перчатках София аккуратно приподняла край растрескавшегося кожаного корешка служебника 1782 года издания. Тончайшая бумага верже с водяными знаками в виде короны требовала ювелирного терпения: мельчайшая ошибка — и ветхое волокно превратится в труху.



— Соня, ты снова не спала всю ночь, — раздался от окна мягкий укоризненный голос.

Лена, ее ближайшая подруга и художница-график, сидела на широком подоконнике, поджав ноги в шерстяных носках, и держала обеими ладонями дымящуюся фарфоровую кружку с облепиховым чаем. За запотевшим стеклом кружились тяжелые багровые кленовые листья, срываемые порывистым ветром.

— Не спала, — тихо отозвалась София, осторожно нанося беличьей кистью каплю осетрового клея на расслоившуюся нить шитья. — Если не зафиксировать блок до полудня, пергамент потянет влагу от дождя. В цоколе опять барахлит система осушения. Нужно вызывать мастера, а он просит двадцать тысяч только за диагностику компрессора.

— А где твой ненаглядный Артур? — Лена поморщилась, подув на чай. — Он же клялся на прошлой неделе закрыть коммунальные хвосты фонда и найти спонсора на реставрацию фолиантов. Третий день трубку не берет. Я вчера заходила в его офис на Покровке — жалюзи опущены, консьерж говорит, что шеф не появлялся с пятницы.

В груди Софии кольнуло нехорошее, тянущее предчувствие. Артур Белов, с которым они были помолвлены последние полгода, всегда казался ей слишком порывистым, слишком уверенным в своей легкой удаче. Он сыпал терминами вроде «венчурные пулы», «залоговые аукционы» и «быстрые инвестиции», приезжал за ней на арендованных спорткарах и обещал превратить мастерскую деда в международный центр. А три дня назад исчез после странного, сбивчивого ночного звонка: пробормотал что-то про «срочный выезд в Минск на переговоры» и отключил телефон.

— У него сделка, — машинально произнесла София, защищая не столько жениха, сколько собственное зыбкое спокойствие. — Он обещал вернуться к среде. Все образуется.

Она поднесла костяную гладилку к корешку, собираясь заправить уголок золоченого сафьяна.

Удар был такой силы, что старинная дубовая дверь флигеля с грохотом распахнулась, ударившись о кованый ограничитель. Латунный колокольчик над притолокой жалобно звякнул и сорвался на дощатый пол.

Холодный сквозняк, пахнувший выхлопными газами и мокрым асфальтом Сретенки, ворвался в натопленную комнату, взметнув веера белой промокательной бумаги. Лена вскрикнула, кружка выскользнула из ее пальцев и с глухим звоном разбилась о половицы. Горячая оранжевая лужа чая растеклась по дубовым доскам, подбираясь к ножкам верстака.

На пороге стояли пятеро мужчин.

Впереди шел коренастый мужчина лет сорока пяти в темно-синей форменной куртке службы судебных приставов с планшетом из черного дерматина под мышкой. За ним следовали двое юристов в безупречных серых кашемировых пальто от Canali, пахнувших дорогим парфюмом, а дверной проем перекрыли двое бойцов ЧОПа в бронежилетах поверх черных свитеров.

— Медведева София Львовна? — скрипучим голосом осведомился пристав, даже не подумав вытереть грязные ботинки о входной коврик.

София медленно положила инструмент на сукно. Сердце в груди сорвалось в бешеный галоп, ударив по вискам тугой горячей волной, но внешне она осталась абсолютно неподвижной: дедовская выдержка сработала как железный корсет.

— Я. Что происходит? Кто дал вам право выбивать двери?

— Судебный пристав-исполнитель Мещанского отдела Ковалев, — мужчина ткнул ей развернутое удостоверение в красном переплете. — Исполнительное производство номер 44/26-бис. Наложение ареста на право долгосрочной аренды недвижимого имущества, а также опись и арест товарно-материальных ценностей по адресу: улица Сретенка, дом 14, строение 2. Прошу освободить помещение.

— Что за бред?! — звонко выкрикнула Лена, спрыгивая с подоконника и вставая рядом с подругой. — Какая аренда?! Это исторический фонд книжных памятников! Здесь находятся уникальные рукописи девятнадцатого века! У вас нет никаких оснований!

Один из юристов — сухопарый мужчина лет тридцати восьми с тонкими губами, гладко зачесанными волосами и холодными глазами цвета мутного льда — сделал шаг вперед. Он расстегнул пальто, демонстрируя шелковый галстук стального оттенка, и извлек из портфеля папку с серебряным гербом холдинга.

— Основания исчерпывающие, гражданка Медведева, — произнес юрист с вежливой, режущей слух снисходительностью. — Меня зовут Самойлов Кирилл Дмитриевич, я представляю интересы залогового кредитора — акционерного общества «Чернов Капитал». Вот нотариально заверенная копия договора займа и залога имущественных прав от пятнадцатого апреля. Сумма основного долга — двадцать пять миллионов рублей. Проценты и штрафные санкции — три миллиона четыреста тысяч.

Самойлов положил документ на верстак прямо перед Софией.

Она опустила глаза на гербовую бумагу. Первые строчки поплыли перед взором, словно в тумане.

«Заемщик: Белов Артур Владимирович... Поручитель и залогодатель: Некоммерческий фонд сохранения книжного наследия имени Л.И. Медведева в лице представителя Белова А.В., действующего по генеральной доверенности президента фонда Медведевой С.Л. серии 77 АВ номер 8923411... Предмет залога: право аренды помещений сроком на сорок девять лет, а также коллекция раритетных печатных изданий...»

Внизу листа стояла четкая, размашистая подпись Артура. А рядом — оттиск круглой синей печати фонда и ее собственная подпись.

Перед глазами Софии вспыхнуло то душное апрельское утро. Артур влетел в мастерскую с огромной охапкой бордовых пионов, целовал ее пальцы, пахнувшие типографской краской, и торопливо подсовывал кипу бумаг: «Сонечка, это для департамента городского имущества, чтобы продлить льготную ставку аренды... Просто распишись на шестой странице, я сам все завезу в префектуру, тебе не нужно отвлекаться от твоих фолиантов...»

Она подписала. Не читая тридцати страниц мелкого нотариального текста. Она доверила наследие деда и дело всей семьи человеку, который клялся любить ее.

— Это... подлог, — голос Софии сделался глухим. Воздух в легких внезапно стал колючим и горьким. — Артур не имел права закладывать фонд. Он обещал продлить городскую аренду...

— Доверенность подлинная, гражданка Медведева, — отчеканил Самойлов без капли сочувствия. — Нотариус подтвердил действительность полномочий. Первый заем господин Белов оформил еще в апреле. В пятницу вечером он вновь получил наличные в кассе кредитного кооператива, доведя долг до двадцати пяти миллионов. А в ночь на субботу проиграл все до копейки в подпольном клубе на Рочдельской. Вчера утром пул его обязательств был выкуплен холдингом «Чернов Капитал» по договору цессии. Мы являемся единственным законным держателем долга.

— Где Артур? — София вскинула голову. Ее золотисто-карие глаза потемнели, превратившись в два раскаленных янтаря.

— Ваш жених в бегах, — усмехнулся юрист. — Прячется где-то в Подмоскowie, потому что кроме нас задолжал еще сорок миллионов очень серьезным людям без лицензий. Но это его проблемы. А ваши проблемы — здесь.

Пристав Ковалев достал рулон красно-белой ленты и стопку бумажных полос с мастичными штампами.

— Парни, приступайте, — бросил он охранникам. — Опечатаваем витрины, шкафы, подсобку и цокольный архив. Электрощиток отключить.

— Стойте! — закричала София, бросаясь наперерез громиле, тянувшему руки к застекленному шкафу с инкунабулами. — Не прикасайтесь к книгам! Здесь влажность шестьдесят процентов! Если отключить рубильник, через двенадцать часов в подвале начнется отсыревание бумаги! Пергамент поведет! Вы уничтожите то, чему нет цены в деньгах!

Охранник даже не посмотрел на нее — выставил вперед локоть в черной ткани, отстраняя девушку с пути, словно сухую ветку.

— Гражданка, не препятствуйте приставам, — монотонно прогудел Ковалев. — Воспрепятствование законной деятельности. Хотите, чтобы я вызвал наряд и оформил протокол?

— Соня, не надо, умоляю, — заплакала Лена, хватая подругу за плечи и оттаскивая назад к верстаку.

В этот момент в кармане Софии забился телефон. Три коротких, вибрирующих удара. Она вытащила старенький смартфон. На экране горели уведомления:

«Операции по счету ИП Медведева С.Л. приостановлены по требованию ФССП. Доступный остаток: 0.00 #».

«Операции по дебетовой карте приостановлены. Доступный остаток: 0.00 #».

Ее выпотрошили до последнего рубля. Даже сорок тысяч за вчерашнюю реставрацию гравюры исчезли в бездонной пасти исполнительного листа.

— До скольких нам дано время? — спросила София с ледяной отчетливостью.

— До восемнадцати ноль-ноль, — ответил Самойлов. — Вадим Андреевич лично дал указание: если до шести вечера помещение не будет освобождено от личных вещей, объект переходит под управление нашей службы безопасности. Весь бумажный массив без зарегистрированной инвентарной описи баланса будет вывезен самосвалами на полигон как бесхозный утиль должника.

— Самосвалами на свалку... — повторила она одними губами. Рукописи деда. Памятники, пережившие войны и пожары. — Чернов... Это ведь он? Тот самый, которого называют Гроссмейстером?

Самойлов достал из визитницы черный матовый прямоугольник с серебряным тиснением.

— Вадим Андреевич ценит людей, знающих свое место на доске. Башня «Федерация», пятидесятый этаж. Но не советую питать иллюзий, гражданка Медведева: Чернов никогда не отменяет сделанных ходов.

София взяла пластиковую карточку. Ее пальцы коснулись холодного серебра букв.

Она медленно сняла льняной фартук, расстегнула медную пряжку и положила его на стопку чистых салфеток. Затем накинула на плечи свое шерстяное пальто.

— Соня, ты куда?! — в панике воскликнула Лена.

София повернулась к юристу. Лицо ее было бледным, но в глазах горел такой яростный огонь, что Самойлов невольно отступил на полшага.

— Закрой заднюю дверь во внутренний двор, Лена, — произнесла София, глядя Самойлову прямо в зрачки. — И никого не пускай в подвал. Я еду в Сити. Этот ваш гроссмейстер либо сам снимет свои собачьи пломбы с моих полок, либо я вышвырну его ферзей из окна его пятидесятого этажа!

Глава 2

Скоростной панорамный лифт башни «Федерация» взмывал ввысь с хищной, утробной плавностью, заставляя внутренности обрываться вниз. От резкого набора высоты у Софии заложило уши; многомиллионная Москва за прозрачной стеклянной стеной кабины стремительно расплющивалась, превращаясь в серую плоскую карту, залитую холодным октябрьским дождем. Река внизу казалась изогнутой свинцовой лентой, по которой ползли крошечные жуки речных трамваев.

В зеркальном отражении полированной стали София видела себя: растрепавшиеся каштановые пряди, выбившиеся из-под шпильки, дешевое шерстяное пальто цвета мокрого песка с потертыми манжетами, бледные щеки и лихорадочно горящие глаза. Она выглядела чужеродным, вызывающим пятном в этом хромированном вертикальном городе, где даже кондиционированный воздух пах стерильной роскошью и огромными, безжалостными деньгами. Но в ее груди вместо понятного страха пульсировал лишь чистый, концентрированный гнев.

Цифровое табло тихо пискнуло: пятидесятый этаж. Двери бесшумно разъехались в стороны, открывая панораму поднебесного царства.

Приемная президента холдинга «Чернов Капитал» подавляла масштабом и мертвенной тишиной: двести метров полированного черного мрамора Negro Marquina, отражающего свет свинцового неба, гигантские панорамные окна от пола до потолка и полукруглая стойка ресепшен из белоснежного монолитного камня. За стойкой сидели две секретарши модельной внешности в шелковых платьях цвета слоновой кости, с одинаковыми идеальными укладками и безупречными холодными улыбками.

— Девушка, вы к кому? — встрепенулась старшая секретарь, когда София решительным шагом пересекла холл, оставляя за собой мокрые цепочки следов от ботинок. — У вас назначено? Вадим Андреевич сейчас не принимает, у него закрытый рабочий график...

Двое сотрудников службы безопасности в темных костюмах с прозрачными витыми наушниками синхронно шагнули ей наперерез от зоны скоростных лифтов.

— Гражданка, остановитесь. Покиньте этаж немедленно...

София даже не замедлила шаг, вздернув подбородок:

— Передайте вашему хозяину, что пришла Медведева. Та самая, у которой он сегодня утром украл дело всей жизни.

Охранник уже потянулся к скрытому микрофону на лацкане, намереваясь перехватить ее за плечо, но в этот момент дверь кабинета Чернова — массивная двустворчатая плита из черного мореного дуба с матовой латунной ручкой — приоткрылась сама.

Из глубины кабинета донесся густой мужской баритон, в котором звенела металлическая, непререкаемая хрипота:

— Пропустите ее, Илья. И закройте приемную на два часа. Никаких звонков и никаких посетителей.

Охранник мгновенно опустил руку и отступил на шаг, вытянувшись по струнке. Секретарша торопливо прикусила губу. София толкнула тяжелую створку и переступила порог.

Кабинет Вадима Чернова напоминал логово опасного зверя, устроившегося на вершине мира. Огромное пространство тонуло в полумраке, рассеваемом лишь холодным дневным светом из гигантской стеклянной стены, за которой медленно плыли рваные дождевые тучи. Воздух здесь был совсем иным, чем на шумных улицах: он был пропитан ароматом горького калабрийского бергамота, дорогого кубинского табака, сухой кожи и ледяной свежести морозной стали. Вдоль одной из стен тянулись открытые стеллажи из темного дерева со старинными фолиантами в кожаных переплетах: София профессиональным взглядом мгновенно выхватила корешки редчайших Эльзевиров и рукописных летописей семнадцатого века. Посреди ком-

наты стоял массивный стол из цельного куска черного полированного гранита, на зеркале которого лежали титановый планшет и резная шахматная доска ручной работы из черного дерева и слоновой кости.

За столом сидел Вадим Чернов.

Ему было около тридцати пяти лет. Широкие плечи прирожденного бойца обтягивал тончайший белый хлопок рубашки безупречного индивидуального пошива. Ворот был расстегнут на две пуговицы, обнажая сильную мускулистую шею с бронзовым загаром; рукава небрежно закатаны до локтей, открывая рельефные, жилистые предплечья с темными волосками. На левом запястье матово поблескивали тяжелые платиновые часы. Лицо — резкое, хищное, с тяжелым волевым подбородком, темной суточной щетиной и четко очерченными чувственными губами.

Но страшнее всего были его глаза. Серо-стальные, цвета штормового северного океана, они смотрели на мир с абсолютным, убийственным спокойствием хищника, ни разу в жизни не сомневавшегося в своей безоговорочной победе.

Чернов держал в длинных сильных пальцах белую фигуру ферзя, выточенную из бивня мамонта. Он медленно опустил ее на клетку f7, и в тишине кабинета раздался сухой, весомый щелчок кости о полированное дерево.

— Вы опоздали на двадцать минут, София Львовна, — произнес он, не поднимая взгляда. Голос звучал негромко, но заполнял собой каждую пору пространства, вибрируя низкой басовой струной прямо у нее в грудной клетке. — Самойлов доложил, что вы выехали со Сретенки в десять сорок. Пробки на Садовом кольце — плохой аргумент для того, кто пытается спасти остатки своего имущества.

София сжала кулаки в карманах пальто так, что ногти до боли впились в ладони. Она сделала пять твердых шагов вперед, остановившись у самого края гранитного стола.

— Я приехала сюда не для светской беседы о дорожном движении, господин Чернов, — ее голос звенел, чистый и натянутый, как струна перед обрывом. — Ваши юристы и приставы взломали мастерскую моего деда! Вы наложили лапы на книги, которые собирались тремя поколениями ученых и библиофилов! Вы выкупили поддельный долг азартного подонка, чтобы устроить рейдерский захват исторического здания в центре Москвы!

Чернов наконец оторвал пальцы от шахматной фигуры.

Он медленно поднял голову.

Его взгляд ударил в нее в упор — тяжелый, сканирующий насквозь, раздевающий до сокровенных глубин. На долю секунды на дне его стальных зрачков вспыхнула острая, голодная искра мужского интереса, от которой по позвоночнику Софии прокатилась слепящая волна мурашек, сбив дыхание в прерывистый судорожный вздох.

— Артур Белов — действительно подонок. — Чернов откинулся в кресле; София осталась стоять перед столом, и приглашать ее сесть он явно не собирался. — Слабый, лживый и трусливый мальчишка, который прячется сейчас на заброшенной даче под Наро-Фоминском. Но его долг — не липовый, София. Двадцать пять миллионов рублей получены им наличными под залог ваших имущественных прав. Вы лично подписали доверенность. Нотариус проверен, подписи подтверждены экспертизой. Юридически вы — поручитель, не исполнивший обязательств. Через сорок минут мои юристы начнут готовить передачу арестованных прав на торги.

— Вы знали! — София шагнула вплотную к столу, опершись ладонями о ледяной черный камень. — Прекрасно знали, что это подлая афера! Зачем вам это здание?! «Чернов Капитал» возводит жилые кварталы на миллиарды долларов! Зачем вам старый двухэтажный флигель на Сретенке?!

Чернов чуть заметно усмехнулся. В этой усмешке не было ни капли тепла — лишь опасный оскал волка, загнавшего добычу на край скалы.



— Здание мне не нужно. Я собирался снести его и расширить выезд к проектируемому комплексу, — его голос стал еще ниже, обволакивая ее, как тяжелый бархат. — Но неделю назад мне положили на стол аналитическую справку по объекту. И фотографию владелицы фонда.

Он медленно поднялся со своего кресла.

Чернов был огромен: метр девяносто чистой, тренированной мужской силы. Без пиджака, в ослепительно белой рубашке, подчеркивающей мощный разворот плеч и узкие бедра, он двигался с пугающей, почти кошачьей грацией. Он огибал стол так, что Софии приходилось поворачиваться вслед за ним. Дверь осталась у него за плечом.

Инстинкт самосохранения отчаянно кричал Софии бежать, но дикая медвежья гордость намертво приковала ее ноги к полу. Она осталась стоять на месте, запрокинув голову и глядя снизу вверх в его приближающееся лицо.

Чернов остановился в полушаге от нее.

От него исходил ошеломляющий жар сильного мужского тела. Этот жар обдал ее лицо, словно дыхание раскаленной печи. София почувствовала, как пересохло в горле, а сердце заколотилось где-то под ключицами.

— Ты пришла сюда защищать свои пыльные книги, — тихо, почти интимно произнес Чернов, глядя прямо в ее расширившиеся золотисто-карие зрачки. — Ты думаешь, что благородная фамилия и чистая совесть дают тебе броню против реального мира. Но реальный мир устроен просто, София. Сильный забирает все, что захочет. А слабый платит по счетам.

Он медленно поднял правую руку.

София вздрогнула, но Чернов лишь протянул широкую, обжигающе горячую ладонь и кончиками двух пальцев коснулся ее подбородка, властно приподнимая ее лицо еще выше.

Прикосновение обожгло кожу, словно открытое пламя. Вдоль позвоночника Софии пронеслась дикая, слепящая волна тока. Мышцы свело сладкой, пугающей судорогой. Она попыталась дернуть головой, но его пальцы держали крепко — не причиняя синяков, но пресекая малейшую попытку вырваться.

— Что вы себе позволяете?.. — выдохнула она, чувствуя, как предательски дрожат губы.

— Я оцениваю приобретение, — его взгляд медленно скользнул по ее лицу: от густых соболиных бровей к точеному носу, задержался на припухших от гнева губах и опустился к вырезу свитера, где тяжело, сбившись с ритма, вздымалась девичья грудь. — Ты красива, София. Той редкой, дикой породой, которую невозможно купить в салонах на Патриарших. И у тебя есть то, чего я давно не видел в людях: настоящие зубы.

— Отпустите меня немедленно, — прошептала она, пытаясь совладать с нарастающей паникой.

Чернов не отпустил. Напротив — он наклонился чуть ближе, так что его губы оказались в сантиметре от ее виска. Его горячее дыхание обожгло мочку ее уха:

— Вот мои условия, маленькая реставраторша. Слушай внимательно, потому что повторять я не стану.

Его пальцы на ее подбородке чуть сжались, удерживая ее взгляд:

— Завтра утром мои юристы отзывают исполнительный лист и гасят все обязательства Белова перед кредиторами на двадцать пять миллионов рублей. Здание на Сretenке оформляется в твою личную, безусловную собственность. Я выделяю десять миллионов на климатические системы цокольного архива и оплачиваю работу твоих специалистов. Мастерская будет жить. Книги твоего деда никто больше не посмеет тронуть пальцем.

София замерла. В глубине души шевельнулась наивная, спасительная надежда:

— В обмен на что?

Чернов усмехнулся темно, низко, прямо ей в губы:

— В обмен на тебя.

В кабинете словно выкачали весь воздух. Дождь за стеклом хлестал с удвоенной силой, но София слышала только оглушительный, бешеный стук собственного пульса.

— Что?..

— Три месяца, София. Ровно девяносто дней. Ты переезжаешь в мой пентхаус на Воробьевых горах. Живешь под моей крышей. Сопровождаешь меня на всех светских раутах, приемах и деловых переговорах в качестве моей официальной спутницы и невесты. Ты носишь платья, которые я для тебя выберу, улыбаешься тем, кому я прикажу, и спишь в соседней со мной комнате. Без права на звонки прошлым любовникам, без права на побег и без права на отказ.

— Вы... с ума сошли, — ее голос сорвался на свистящий шепот. — Предлагаете мне стать вашей содержанкой?! Постельной игрушкой за долги?!

— Я предлагаю тебе сделку, — отчеканил Чернов, и его стальные глаза вспыхнули холодным, беспощадным блеском. — Через три месяца ты получаешь свободу, очищенное от долгов здание и сохраненный архив деда. Либо ты выходишь за эту дверь прямо сейчас, и к вечеру бульдозеры превращают твою мастерскую в щебень, а книги сгниют под открытым небом. Выбирай, София. У тебя ровно шестьдесят секунд.

Глава 3

Слова Чернова повисли в воздухе тяжелым, ядовитым туманом.

София смотрела в его породистое, надменное лицо, где не было ни тени сомнения, ни капли жалости. Этот человек искренне верил, что весь подлунный мир, включая человеческие души, честь и память предков, имеет четкий ценник в каталоге его холдинга. Для него она была просто редким экземпляром, старинным фолиантом в сафьяновом окладе, который можно выкупить на залоговом аукционе и поставить на полку в своем стеклянном дворце для украшения интерьера.

Внутри нее поднялась слепая, клокочущая волна ярости — той самой, древней и безудержной, которая заставляет раненого зверя бросаться на вооруженного охотника, невзирая на ружье.

— Вы чудовище, Чернов, — ее голос больше не дрожал; он звенел ледяной, испепеляющей ненавистью, от которой дрожали оконные стекла. — Вы думаете, если у вас миллиарды на счетах и половина города в кармане, вы можете купить все на свете? Я не продаюсь. Ни за двадцать пять миллионов, ни за все башни вашего Сити! Поищите себе шлюху в элитном эскорте, там вам с радостью вылижут подошвы за ваши подачки!

Лицо Вадима не дрогнуло, но в глубине серых глаз вспыхнуло опасное, первобытное пламя. Уголок его губ дернулся в хищной усмешке:

— Шлюхи предсказуемы и скучны, София. Они продаются любому, у кого есть пачка купюр. А мне нужна ты. С твоей волчьей гордостью, чистыми глазами и несгибаемым хребтом. И ты будешь моей. Хочешь ты этого или нет.

— Никогда! — выкрикнула она.

Она резко мотнула головой, срывая его пальцы со своего подбородка, сделала полшага назад, разворачивая корпус всем телом, и наотмашь, со всей накопленной за утро яростью и ненавистью, ударила его ладонью по лицу.

Звук пощечины разорвал тишину кабинета, словно пистолетный выстрел крупного калибра.

Хлесткий, звонкий хлопок эхом метнулся к панорамным стеклам и отразился от мраморных плит.

Голова миллиардера едва качнулась вправо. Темные пряди волос упали ему на лоб.

В кабинете воцарилась гробовая, леденящая тишина. Казалось, за стеклом замер даже бушующий ливень.

София тяжело дышала, ее ладонь пылала от удара, пальцы онемели до самых костяшек. Она смотрела на мужчину перед собой, с запоздалым ужасом осознавая, что только что переступила черту, из-за которой не возвращаются живыми.

Чернов медленно, с убийственной неторопливостью повернул голову обратно.

На его смуглой, покрытой щетиной левой скуле ярким багровым пламенем проступал четкий, геометрически безупречный след ее тонких пальцев. Пять полос ярости, нанесенных на лицо человека, перед которым трепетали министры и финансовые магнаты.

Его взгляд изменился. В нем больше не было ленивой насмешки сытого хищника. В серых зрачках вспикела первобытная, темная, сокрушительная тьма — ярость титана, которому посмели бросить открытый вызов.

— Ты только что совершила самую большую ошибку в своей жизни, София, — произнес он тихим шепотом, от которого у нее заledenели внутренности.

Он не стал кричать. Он просто шагнул вперед.

Движение было настолько молниеносным, что София даже не успела вскинуть руки для защиты. Железные пальцы Чернова сомкнулись на обоих ее запястьях, сжав их в единый узел,

и скрутили за ее спину. Второй рукой он схватил ее за затылок, безжалостно запустив пальцы в густые каштановые волосы — тяжелая медная шпилька со звоном упала на мрамор, — и рывком впечатал девушку спиной в острое ребро черного гранитного стола.

Удар выбил воздух из ее легких.

София оказалась в абсолютном капкане. Ее поясница упиралась в полированный камень, руки были намертво зафиксированы за спиной его стальной хваткой, а спереди ее накрывало тяжелое, монолитное тело мужчины. Чернов вклинил свое бедро между ее ног, лишая малейшей возможности шевельнуться, его широкая грудь вдавливала ее ребра так, что каждый вдох давался с хрипом.

Его лицо было в двух сантиметрах от ее лица. Она видела каждую темную ресничку, сузившиеся зрачки, пульсирующую жилку на виске и багровый след собственного удара на его скуле. Горячее дыхание с привкусом горького бергамота и табака обжигало ее пересохшие губы.

— Пусти... зверь... — прохрипела она, отчаянно извиваясь всем телом, пытаясь достать коленом его пах.

Чернов лишь сильнее прижал ее к граниту, легко нейтрализовав ее попытку удара весом своего тела. Его мышцы были твердыми, как легированная сталь. София физически ощущала бешеный, тяжелый ритм его сердца — оно колотилось так же яростно, как ее собственное.

— Дикая кошка, — его хриплый голос вибрировал у самого ее рта. — Ты думала, я стану терпеть твои выходки? За эту пощечину я мог бы растоптать твоего Артура в пыль прямо сейчас, а тебя оставить без копейки посреди улицы. Но ты мне нравишься такой. Злой, кусающейся, готовой драться насмерть за свои принципы. Только ты забыла одну вещь, София. Ты в моей игре. И ставки здесь делаю только я.

Не разжимая захвата на ее запястьях, Чернов убрал ладонь с ее затылка, дотянулся до сенсорной панели управления на краю стола и нажал крупную клавишу.

Огромная настенная плазменная панель напротив ожила.

По экрану побежала рябь, сменившись четким цветным изображением с уличной камеры наружного наблюдения в формате сверхвысокого разрешения.

София замерла. Сердце оборвалось и рухнуло в ледяную бездну.

На экране была Сретенка. Мокрый асфальт переулка, облетевшие клены, знакомый до боли флигель мастерской с опечатанными дверями. Возле крыльца стояли два черных тонированных внедорожника без номеров. Рядом переминались трое рослых мужчин в кожаных куртках и надвинутых спортивных шапках.



Один из них держал в руках кусок тяжелого бордюрного камня.

— Узнаешь место? — Чернов повернул ее к экрану, удерживая за запястья. — Это люди Гордеева. Того самого криминального банкира, которому твой жених задолжал сорок миллионов сверх моих двадцати пяти. Они прекрасно знают, где находится архив фонда Медведевых. И они знают, что внутри нет страховки.

Мужчина на экране с размаху швырнул булыжник в цокольное окно мастерской — то самое, за которым хранились старопечатные рукописи деда.

Звон бьющегося армированного стекла эхом отозвался в черепной коробке Софии. Второй бандит достал из сумки бутылку с темной жидкостью и промасленной тряпкой, чиркнул зажигалкой и швырнул зажигательную смесь прямо в разбитый проем.

В глубине подвала вспыхнул оранжевый, чадающий шар пламени.

— Нет! — истошный, нечеловеческий крик вырвался из горла Софии. Она забилась в руках Чернова, как птица, бьющаяся о прутья клетки, слезы брызнули из глаз, обжигая щеки. — Нет! Пустите меня! Там рукописи митрополита Макария! Там пергаменты шестнадцатого века! Они сгорят! Они же сгорят за пять минут! Боже мой, пожалуйста!

Она колотилась головой о его плечо, слепо умоляя, забыв про гордость, про ненависть, про все на свете. Перед ее мысленным взором стоял дед, его старые дрожащие руки, бережно перелистывающие драгоценные страницы, его тихий голос: «Береги их, Сонечка. Мы уйдем, а слово останется...»

Чернов прижал ее к себе, по-прежнему удерживая обе ее руки одной ладонью. Другой он достал телефон.

— Слушай меня, София, — его баритон звучал прямо над ее ухом, жесткий и холодный, как удар колокола. — В пятидесяти метрах от мастерской, в арке соседнего дома, дежурит броневик моей службы безопасности. Шесть бойцов с порошковыми установками пожаротушения. Им нужно ровно сорок секунд, чтобы войти в цоколь, сбить пламя и уложить этих ублюдков в грязь.

Он поднял к ее глазам смартфон с горящей зеленой кнопкой вызова:

— Один мой звонок — и огонь погаснет. Архив будет спасен. Но если я не нажму эту кнопку в течение следующей минуты, перекрытия займутся, и от твоего наследия останется горсть черного пепла.

На экране огонь подбирался к нижней дубовой полке с фолиантами. Черный дым повалил из цоколя.

— Выбирай, София! Твоя гордость или дело всей жизни твоей семьи?! Ты подписываешь соглашение и едешь со мной прямо сейчас?!

София задыхалась. Слезы капали на его белую рубашку. Она видела на экране, как огонь подбирается к кожаным корешкам, и чувствовала, как внутри нее рушится, осыпается прахом весь ее прежний мир.

Этот человек сломал ее. Растоптал, просчитал каждый ее нерв. Он был гроссмейстером, а она — пешкой, которую загнали в угол доски.

— Потушите... — сорванным, умоляющим шепотом выдохнула она, уткнувшись лбом в его каменную грудь. — Умоляю вас... Потушите огонь! Я согласна... Я поеду с вами... Я сделаю все, что вы скажете! Только потушите!

Чернов мгновенно нажал вызов:

— Илья. Зачистить объект. Ликвидировать возгорание. Ни одной испорченной страницы. Работать.

На экране плазмы из соседней подворотни с ревом вылетел серый бронированный микроавтобус холдинга. Бойцы в тактических шлемах скрутили поджигателей на мокром асфальте, а двое других скрылись в цокольном окне с порошковыми стволами.

Через тридцать секунд из подвала повалило белое облако огнетушащего порошка. Пламя захлебнулось и погасло.

Чернов выключил экран.

В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь судорожными всхлипами Софии.

Он медленно разжал пальцы, выпуская ее руки.

София обессиленно опустилась на край стола, закрыв лицо ладонями. Ее плечи мелко дрожали. Ее старое пальто было распахнуто, волосы рассыпались по плечам, а на запястьях горели багровые полосы от его железных пальцев.

Чернов молча подошел к вешалке, снял свое тяжелое пальто из черного кашемира и накинул на плечи девушки, укутывая плотным теплом.

Затем наклонился, поднял медную шпильку и вложил в холодные пальцы Софии.

На стол легло соглашение. София прочла строку о сохранности архива и поставила подпись; росчерк сорвался вниз. Чернов убрал лист в папку.

— Ты сделала правильный ход, София, — тихо произнес он, и в его голосе проскользнула странная бережная интонация. — Пойдем. Мой лимузин ждет на подземном паркинге.

Глава 4

Подземный паркинг башни «Федерация» встретил их гулким эхом работающей вентиляции, запахом холодного бетона и сырого выхлопа моторов. Люминесцентные лампы под низким потолком заливали пространство мертвенным белым светом, отражаясь в зеркальных бортах премиальных седанов и внедорожников.

Чернов вел Софию, крепко удерживая под локоть. Его хватка через ткань пальто была непререкаемой, но уже не грубой — словно он вел драгоценную, хрупкую вещь, которую ни при каких обстоятельствах не выпустит из рук.

София шла механически, глядя прямо перед собой. Ноги казались ватными, в висках монотонно стучала кровь, а в кармане пальто рука сжимала медную дедовскую шпильку. Пальто Чернова, наброшенное на ее плечи, было тяжелым и чересчур просторным; оно пахло им целиком — горькой свежестью калабрийского бергамота, дорогим сукном и мужской силой, полностью подавляя ее собственные привычные запахи лаванды и книжного клея.

В конце VIP-сектора паркинга замер удлинённый черный Mercedes-Maybach с глухой тонировкой бронированных стекол. Возле открытой задней двери стоял начальник службы безопасности Илья — широкоплечий мужчина тридцати пяти лет с короткой военной стрижкой и внимательными глазами.

Увидев приближающегося босса, Илья на долю секунды замер: его взгляд безошибочно зафиксировал темный багровый след от пощечины на скуле Чернова. Но лицо безопасника осталось абсолютно непроницаемым. Он лишь коротко склонил голову:

— Вадим Андреевич. На Сретенке все чисто. Возгорание локализовано на площади трех квадратных метров, пострадали только две пустые упаковочные коробки у входа. Все архивные стеллажи целы. Поджигатели переданы следственному комитету, показания на Гордеева уже оформляются.

— Отлично, — бросил Чернов, не сбавляя шага. — Объект опечатать нашими пломбами, выставить круглосуточный пост из четырех бойцов. Подругу Медведевой доставить домой на нашей машине, выдать ей аванс на консервацию книг и взять подписку о конфиденциальности.

— Сделано, — четко отозвался Илья.

Чернов подвел Софию к машине:

— Садись.

Она переступила порог, опустившись на заднее сиденье.

Тяжелая бронированная дверь захлопнулась за ней с глухим щелчком, похожим на звук закрывающейся двери банковского хранилища. Все внешние звуки мегаполиса — гул вентиляторов, шум проезжающих машин — мгновенно исчезли. В салоне воцарилась абсолютная, вакуумная тишина.

Салон «Майбаха» был шедевром автомобильной роскоши: тончайшая темно-шоколадная кожа наппа, вставки из матового темного ореха, мягкая контурная подсветка теплого янтарного оттенка и едва уловимый аромат сухого кедра.

Чернов сел рядом.

Он заполнил собой все оставшееся пространство дивана. Его плечо почти касалось ее плеча, длинные ноги едва помещались перед роскошной консолью. Шофер за бронированной перегородкой плавно нажал на газ, и тяжелый автомобиль бесшумно скользнул по бетонному пандусу на выезд из подземелья.

София вжалась в угол кожаного дивана, чувствуя, как от его близости пересыхает в горле. Ее сердце снова начинало разгоняться до опасных оборотов. Она украдкой покосилась на его профиль: резкая линия челюсти, темная щетина и отчетливый, вздувшийся багровый след от

ее пяти пальцев на скуле. Он даже не попытался прикрыть его. Он носил эту метку ее непорочности открыто, словно боевой трофеей.

Внезапно в кармане ее кофты зажужжал старый телефон. На экране высветилось имя: «Лена».

Это был последний шанс. Последняя ниточка, связывающая ее с нормальным миром, с мастерской.

Она торопливо смахнула вызов и прижала трубку к уху:

— Лена! Ты как?..

Она не успела договорить.

Большая, горячая мужская ладонь легла поверх ее руки, накрывая пальцы и корпус телефона. София прижала аппарат к уху крепче. Чернов отогнул ее пальцы один за другим; голос Лены стал слышен на расстоянии, тонкий и испуганный.

— Отдайте! — крикнула София, бросаясь вперед и вцепляясь обеими руками в его предплечье. — Отдайте немедленно! Это мой личный телефон! Там номера заказчиков! Там фотографии родителей! Вы не имеете права!

Чернов перехватил трубку левой рукой, а правой обхватил Софию за талию, легко удержав ее на месте и вернув обратно на подушки сиденья.

— Имею. — Чернов удержал телефон выше, когда София снова потянулась за ним. — С той секунды, как ты согласилась на мои условия.

Автомобиль остановился у выезда с паркинга, пропуская поток машин. Дождь хлестал по стеклу, серые волны реки бились о гранитные парапеты.

Чернов нажал кнопку на подлокотнике.

Тяжелое бронированное стекло его двери плавно опустилось на пять сантиметров. В салон ворвался сырой, холодный свист осеннего ветра и шум летящих из-под колес брызг.

Вадим без малейших колебаний выставил руку в открытую щель и разжал пальцы.

Старенький телефон Софии кувыркнулся в воздухе и с глухим стуком упал на мокрый асфальт пандуса.

Чернов нажал кнопку интеркома:

— Колесом назад на полметра.

Лимузин плавно дернулся назад. Раздался сухой, отвратительный хруст лопающегося пластика, треск дробящейся микросхемы и звон рассыпающегося в крошку стекла. Под тяжестью лимузина колесо перемололо аппарат в бесформенную лепешку, смешав обломки с дорожной грязью.

Стекло бесшумно поднялось, запечатав салон обратно в герметичную тишину.

— Что вы наделали?.. — София смотрела в заднее стекло, где в луже дождевой воды блестели раздавленные осколки ее прошлой жизни. Слезы бессильной ярости снова обожгли веки. — Зачем?! Зачем вы это делаете?!

— Я отсекаю лишние хвосты, — ответил Чернов, повернувшись к ней всем корпусом. Его стальные глаза смотрели тяжело и пронзительно. — Данные из резервной копии твоего телефона — контакты, фотографии родителей, переписка деда — уже перенесены аналитиками Ильи в защищенное облако. Ничего не пропало. Но прошлой Софии Медведевой больше нет. Есть моя женщина, у которой не должно быть ни одного незащищенного канала связи.

Он извлек из кармана пальто, по-прежнему укрывавшего Софию, тонкую плоскую коробку из матового титана и достал новый смартфон в монолитном темном корпусе без логотипов.

— Защищенная линия холдинга со сквозным шифрованием военного стандарта, — произнес Чернов, вкладывая холодный металл в ее дрожащие ладони. — В телефонной книге ровно три контакта. Илья — начальник службы безопасности. Дежурный врач клинического

госпиталя холдинга. И мой прямой номер. Все входящие звонки с неизвестных номеров блокируются сервером. Выход в интернет — через закрытый шлюз.

София опустила глаза на темный экран. Корпус обжигал пальцы ледяным холодом.

— А Лена? — глухо спросила она, не поднимая головы.

— Лена получила на свой счет миллион рублей в качестве аванса за систематизацию дедовских каталогов. Она знает, что ты уехала за город работать над закрытым правительственным заказом по реставрации. Если она попытается связаться с полицией или прессой — ее предупредят. Но она умная девочка, рисковать твоей безопасностью не станет.

Лимузин набрал скорость, вырываясь на Третье транспортное кольцо. В окне проносились размытые дождем огни столицы: неоновые вывески, свет фар встречных машин, громады серых высоток.

София сидела неподвижно, глядя на свои колени. Она чувствовала себя птицей, у которой методично, перо за пером, выдернули крылья, посадили в инкрустированную золотом клетку и захлопнули кованую дверцу. Ей оставалось только подчиняться ритму этого бронированного чудовища, несущего ее в неизвестность.

Через двадцать минут лимузин свернул с проспекта Вернадского на тихую, закрытую улицу Воробьевых гор, утопающую в вековых соснах и золотых дубах.



Огромные кованые ворота элитного жилого комплекса с охраной и противотаранными барьерами бесшумно разъехались в стороны, пропуская кортеж. Машина плавно затормозила у парадного подъезда жилой башни, фасад которого был облицован светлым юрским мрамором.

Водитель выскочил наружу и распахнул заднюю дверь с зонтом в руке.

Чернов вышел из салона. Ливень шумел в кронах сосен, ледяные капли разбивались о полированные борта автомобиля. Он повернулся к Софии, протягивая ладонь в тонкой перчатке из черной оленьей кожи.

В свете фонарей у подъезда багровый след от ее пощечины на его скуле казался темным, почти фиолетовым шрамом.

— Мы приехали, София, — его низкий голос перекрыл шум дождя. — Добро пожаловать в плен.

Она посмотрела на его протянутую руку, затем подняла глаза к его лицу.

— Я не возьму вашу руку, — тихо, но отчетливо произнесла она.

Чернов усмехнулся уголком губ — хищно, насмешливо, ни капли не рассердившись:

— Тогда выходи сама. Либо я перекину тебя через плечо и внесу в холл на глазах у всей смены охраны.

София стиснула зубы до скрежета. Собрав последние остатки сил и гордости, она сбросила с колен оцепенение, оттолкнулась от кожаного дивана и шагнула наружу.

Она проигнорировала его перчатку, высоко вздернула подбородок и ступила на мокрый мрамор крыльца под ледяные струи осеннего дождя, готовая встретить свою новую, золотую неволю лицом к лицу.

Глава 5

Утро на пятидесятом этаже пахло не осенней свежестью со Сретенки, а стерильной, вымороженной изоляцией.

София открыла глаза. Первым, что она увидела, было безбрежное, выбеленное туманом небо за панорамным стеклом. Небо висело прямо перед ней — без подоконников, без привычных деревянных рам старого флигеля, без шороха желтеющих кленов под окном мастерской. Только вакуум заоблачной высоты и тонкая серая дымка смога, накрывшая Москву далеко внизу, словно грязная вата.

Она лежала на огромной, пугающе широкой кровати, утопая в простынях из плотного матового шелка, ледяных на ощупь. Подушки пахли лавандой и новым, еще никем не обжитым бельем — запах роскошного отеля, в котором тебе никогда не стать хозяйкой.

София резко села. Голова гудела после бессонной ночи. Перед глазами стоял вчерашний день: приемная «Чернов Капитал», яростный спор у гранитного стола и глухой щелчок замка бронированного «Майбаха», отрезавшего ее от прежнего мира. Она все еще была во вчерашней одежде: серых хлопковых брюках и мешковатом шерстяном свитере горчичного цвета с вытянутыми на локтях рукавами. В нем она привыкла работать за верстаком, бережно подклеивая корешки ветхих инкунабул костным клеем и не боясь посадить пятно. Сейчас этот свитер казался единственной соломинкой, связывающей ее с настоящей Софией Медведевой — реставратором, внучкой хранителя архивов, свободной женщиной.

Мягкий электронный сигнал в прихожей гостевого крыла заставил ее вздрогнуть. Замок щелкнул, и тяжелая звукоизолирующая дверь бесшумно скользнула в паз.

София прыгнула с постели, босыми ступнями ощутив полированный массив дуба. Пол был с подогревом, но по коже все равно поползли неприятные колющие мурашки.

В комнату вошла женщина лет сорока с безукоризненно гладким пучком пепельных волос, в строгом графитовом костюме. Ее лицо выражало ту степень вышколенной любезности, которая стоит дороже любого антиквариата. За ней двое рослых молодых людей в черных поло и тонких замшевых перчатках беззвучно вкатили два тяжелых хромированных рейла на резиновых колесиках. Рейлы прогибались под тяжестью сотен плечиков с одеждой. Еще один ассистент нес в руках пирамиду белых коробок с золотым тиснением «La Perla».

— Доброе утро, София Львовна, — произнесла женщина, остановившись у края ковра и дождавшись, пока София посмотрит на нее. — Меня зовут Мари. Я ведущий стилист закрытого ателье господина Чернова. Нам поручено обновить ваш дневной, домашний и представительский гардероб до полудня.

Один из ассистентов распахнул коробку, обнажив тончайшую паутину кружева и прохладного шелка. Второй сдернул чехлы с рейлов: перед глазами Софии зарябило от кашемировых кардиганов, шелковых блуз оттенка слоновой кости, шерстяных юбок-карандашей и глухих платьев благородных тонов — хвой, горького шоколада, ночной лазури.

— Уберите это, — глухо сказала София, отступая к холодному панорамному стеклу.

Мари мягко улынулась уголками накрашенных губ, словно не расслышала:

— Понимаю вашу растерянность. Но Вадим Андреевич лично утвердил цветовую гамму. Зеленый кашемир идеально оттенит ваши карие глаза, а для официальных выходов подготовлены платья от миланских кройщиков. Давайте начнем с базовых замеров. Прошу вас снять свитер.

Стилистка сделала шаг вперед, вытягивая гибкую сантиметровую ленту.

София скрестила руки на груди, сжав ткань старого свитера до побелевших костяшек. В груди вскипела горячая, удушливая волна оскорбленного достоинства. Ее не просто заперли — ее примеряли, словно выставочную кобылицу, стирая память о том, кем она была вчера.

— Я сказала: уберите, — ее голос наполнился чистой, звенящей яростью. — Немедленно заберите вешалки и убирайтесь вон. Я не наложница вашего хозяина. Я не манекен и не содержанка, которую можно переодеть в чужой шелк для хвастовства перед партнерами. У меня есть своя одежда!

Мари продолжала наступать с профессиональной настойчивостью танка:

— София Львовна, будьте благоразумны. Вадим Андреевич требует дисциплины. В девять ноль-ноль сервирован завтрак, и вы обязаны спуститься к столу в подобающем виде. Этот растянутый трикотаж просто неприличен для этого дома. Позвольте мне...

Она протянула унизанные кольцами пальцы к плечу Софии.

Терпение лопнуло. София резко взмахнула рукой, наотмашь сбивая ленту. Тонкий пластик хлестнул стилистку по запястью и со стуком упал на дубовый паркет.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула София, сверкая расширившимися золотисто-карими глазами. — Скажи своему Чернову, что если ему нужна кукла на шелковом поводке, пусть закажет ее в агентстве эскорта! Я не надену ни одной его тряпки!

Мари отшатнулась, прижимая ушибленную руку к груди. Ее вежливая маска треснула, обнажив растерянность и страх. Помощники замерли. Достав смартфон, стилистка торопливо прижала его к уху и шепнула:

— Вадим Андреевич... У нас непредвиденное препятствие. Девушка категорически отказывается от примерки.

Опустив телефон, Мари побледнела так, будто из нее разом выкачали всю кровь. А через десять секунд в коридоре раздались шаги.

Тяжелая, размеренная поступь хозяина, знающего, что любая стена в этом здании принадлежит ему по праву силы. Звук отдавался в висках Софии глухими ударами. Она инстинктивно вскинула подбородок, расправила плечи, готовясь к схватке, хотя пальцы предательски подрагивали.

Дверь распахнулась настежь, ударившись о фиксатор. На пороге возник Вадим Чернов.

В дневном свете он казался еще монументальнее и опаснее. Строгие темно-серые брюки из тяжелой шерсти с бритвенно-острыми стрелками и тонкая черная водолазка, обтягивавшая массивные плечи, широкую грудную клетку и литые мышцы предплечий. На левой скуле темнел отчетливый багровый след вчерашней пощечины Софии. Он носил его открыто, как открытый счет, который собирался закрыть до единой копейки.



Серые, холодные глаза цвета штормовой балтийской волны скользнули по ассистентам, по брошенной ленте и остановились на Софии. Запах горького бергамота, дорогого табака и морозного железа мгновенно заполнил комнату.

— Вон, — не повышая голоса, обронил Чернов.

Мари уронила крышку коробки и подхватила ее уже у пола. Ассистенты поспешили к двери, оставив рейлы посреди комнаты; София поняла, что с Черновым ее оставляют одну. Дверь за их спинами захлопнулась с глухим стуком корабельного люка.

— Не подходи ко мне, — глухо бросила София, чувствуя, как спина упирается в стекло. — Ты можешь заблокировать лифты, но указывать, во что мне одеваться, не будешь. Я реставратор, а не твоя карманная кукла!

Чернов медленно усмехнулся одним уголком жестких губ. Молча подошел к встроенному дубовому шкафу у входа, где на плечиках висело ее старое шерстяное пальто, а на полке лежала брезентовая дорожная сумка, которую вечером доставили из мастерской. В ней были хлопковые футболки, старые джинсы и записная книжка с контактами поставщиков редкой японской реставрационной бумаги.

Вадим протянул ладонь и одним движением сгреб пальто и сумку за лямки.

— Что ты делаешь? — выдохнула София. — Положи на место!

Чернов развернулся и молча пошел к биокамину из черного колотого сланца, встроенному в стену. Нажал сенсорную клавишу розжига: полоса голубовато-желтого пламени взметнулась над кварцевой галькой. Вадим разжал пальцы.

Сумка и пальто рухнули прямо в огонь. Подкладка вспыхнула за долю секунды. Брезент задымился, скручиваясь черными лохмотьями. В воздухе запахло паленой шерстью и жженым пластиком.

— Нет! Сволочь!

Там были ее эскизы! Карандашные наброски для дипломного восстановления фолианта XIV века, ключи от квартиры родителей, все ее настоящее прошлое!

Ослепленная яростью, София налетела на Чернова, вцепившись обеими руками в ворот его водолазки, дергая на себя. Ее маленькие кулаки с размаху ударили его в грудь — раз, другой. Удары отскакивали от его мускулов, словно от стальной бронеплиты.

— Зверь! Ты бессердечный дикий зверь! — задыхалась она, чувствуя, как слезы бессильного бешенства обжигают веки. — Там были мои книги! Эскизы! Я ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу!

Чернов даже не пошатнулся. Железные пальцы сомкнулись на ее тонких запястьях, перехватывая их мертвой хваткой. Она попыталась ударить снова; Чернов свел ее кисти вместе и одной ладонью завел обе руки ей за спину. Второй рукой обхватил за талию, приподнял над полом и всем телом впечатал в себя.

Воздух со свистом покинул легкие Софии. Она оказалась намертво прижата к его каменному торсу. Ее бедра уперлись в его бедра, грудь судорожно вздымалась прямо напротив его груди. Сквозь тонкую ткань она ощутила его вулканический жар. Прижатая к его груди, она ощущала тяжелые удары его сердца.

Они стояли в полуметре от гудящего пламени камина. Жар огня палил щеку, но жар тела Чернова был в сотни раз опаснее.

Вадим наклонился к ее лицу так близко, что его горячее дыхание обожгло ее приоткрытые губы. В его глазах бушевала холодная тьма первобытного собственника.

— Эскизы нарисуешь заново, — прорычал он хриплым шепотом прямо ей в лицо. — Бумагу любого качества доставят сюда через два часа. А твоя прежняя нищая жизнь сгорела. Смирись с этим, София.

Он чуть усилил хватку на ее запястьях, заставив ее прогнуться в пояснице. София застонала сквозь зубы, но взгляда не отвела, упрямо глядя в его зрачки.

— Ты находишься в моем доме, — продолжал он, чеканя каждое слово. — И здесь ты будешь выглядеть так, как решу я. На рейле висит темно-зеленое кашемировое платье. Ровно через десять минут ты наденешь его и выйдешь в столовую. Если через десять минут ты не выйдешь — я вернусь сюда. И лично срежу с тебя этот засаленный свитер ножницами. И одену тебя сам. Каждую пуговицу. Посмотрим, хватит ли у твоей гордости сил стоять передо мной абсолютно голой.

Его пальцы разжались.

София покачнулась на подкосившихся ногах. Она отшатнулась к стене, прижимая ноющие запястья к груди, судорожно хватая ртом воздух. Кожа в местах его прикосновений горела так, словно к ней приложили раскаленное клеймо.

Чернов развернулся и зашагал к выходу. У самых дверей он бросил через плечо:

— Время пошло, София. Девять минут.

Дверь захлопнулась. София сползла спиной по стене, закрыв лицо ладонями. Слезы срывались между пальцами. Из камина тянуло гарью; София отняла ладони от лица, проверила время на телефоне и поднялась к рейлу. Пальцы коснулись мягкого темно-зеленого кашемира. Сцепив зубы до скрежета, София сорвала свитер и начала одеваться.

Глава 6

Кухня-гостиная встретила ее гулким, застывшим простором. Через просторный зал предстояло пройти прямо к Чернову. София задержалась у стены, но его взгляд уже оторвался от планшета и нашел ее. Огромные стеклянные стены уходили в поднебесье, и осенняя Москва лежала перед глазами распластанным серым гигантом, прорезанным мутной лентой реки.

В центре зала монолитом возвышался пятиметровый остров из бразильского гранита глубокого аспидно-черного цвета с тонкими изумрудными прожилками. Камень был отполирован до зеркального блеска, и в нем зловеще отражались низкие серые облака.

Вадим Чернов уже сидел на высоком барном стуле из матовой черной кожи. Он сидел вполоборота, закинув ногу на ногу. Перед ним стояла крошечная фарфоровая чашка с двойным эспрессо и тонкий графитовый планшет. На экране с бешеной скоростью сменялись столбцы биржевых котировок, графики доходности облигаций и сводки закрытых торгов. Он скользил по экрану массивным пальцем с аккуратно подстриженным ногтем — хладнокровный гроссмейстер,двигающий невидимые фигуры на невидимой финансовой доске.

У плиты бесшумно колдовал личный повар в белоснежном кителе. С металлическим звоном на полированный гранит опустилась широкая подогретая тарелка: пышный паровой омлет с тонкими лепестками черного трюфеля, подрумяненные ломтики безглютенового хлеба и салат из мини-шпината с каплями выдержанного бальзамика. Рядом повар поставил высокий хрустальный креман, наполненный ярко-солнечным, бархатистым муссом из спелого манго.

— Приятного аппетита, господин Чернов, — повар почтительно наклонил голову и, не поднимая глаз, тут же растворился за матовой скрытой дверью служебного блока.

София остановилась на границе гостиной, чувствуя себя чужеродным телом в этом царстве стерильного совершенства. Темно-зеленое кашемировое платье сидело на ней безукоризненно, словно портные шили его по ее меркам годами. Плотная, мягкая ткань целовала кожу, обнимая тонкую талию, хрупкие ключицы и мягкую линию бедер. Волосы она наспех закрутила на затылке в строгий узел, заколов медной дедовской шпилькой, которую вчера переложила из кармана пальто на столик в ванной.

Чернов медленно поднял взгляд от планшета.

Его глаза — тяжелые, пронизывающие, лишенные всякого намека на утреннюю расслабленность — прошли по ней с медлительностью голодного зверя. Взгляд зацепился за вырез кашемира на ключицах, спустился к тонкой талии, скользнул по линии бедер и вернулся к ее лицу. В глубине серых зрачков на долю секунды вспыхнула темная, жаркая искра хищного удовлетворения. Зеленый цвет превращал ее карие глаза в чистое гречишное золото.

— Садись, — коротко приказал он, указывая подбородком на противоположный край гранитного острова.

София стиснула зубы. Она прошла через зал, стараясь ступать неслышно, и села на самый дальний стул — в четырех метрах от него. Спина ее оставалась идеально прямой, подбородок гордо задран.

Вторая тарелка с омлетом уже ждала ее. От горячего блюда поднимался пряный, дразнящий аромат трюфеля и сливочного масла. Желудок Софии предательски сжался — со вчерашнего полудня во рту у нее не было ни крошки. Но гордость была сильнее голода.

Кончиками пальцев она аккуратно, подчеркнуто брезгливо отодвинула тарелку на середину стола. Серебряные приборы остались лежать нетронутыми.

— Я не голодна, — сухо произнесла она, глядя прямо в переносицу Чернова. — И я не стану есть вашу еду.

Вадим не шелохнулся. Он сделал неторопливый глоток обжигающего эспрессо, поставил чашку на блюдце и медленно отложил планшет экраном вниз.

— В тебе сорок восемь килограммов, София, — его баритон звучал лениво, но в каждой интонации сквозила сталь. — Если на совещании холдинга или на светском рауте моя невеста рухнет в обморок от истощения перед репортерами деловых изданий, пресса напишет, что Чернов не способен прокормить собственную женщину. Я не намерен терпеть подобные репутационные издержки. Ешь.

— Я не ваша невеста! — вспыхнула София, и краска гнева залила ее бледные щеки. — За этими стенами я бесправная заложница! Вы похитили меня, шантажируя долгами подлеца, к которому я больше не имею никакого отношения! Я объявляю голодовку. Можете приковать меня наручниками к батарее, но заставить глотать ваши подачки вы не сможете. Пока вы не снимите печати с мастерской на Сретенке и не вернете мне ключи от фонда деда — я не сделаю ни единого глотка.

Чернов слушал ее молча. На его губах снова заиграла та самая опасная, кривая полуулыбка, от которой у Софии по спине пробежал мороз.

Он плавно поднялся со своего стула. Во весь свой огромный рост в сто девяносто сантиметров. Широкие плечи на секунду заслонили свет из панорамного окна. Он взял со стола хрустальный креман с манговым муссом, длинную десертную ложку из черного серебра и свой стакан с водой.

Неторопливо, с грацией сытого леопарда, Вадим обошел пятиметровый остров. Его шаги по дубовому паркету были абсолютно бесшумными. Он подошел к ней вплотную и опустился на соседний барный стул, пододвинув его так близко, что его бедро в шерстяной ткани брюк почти коснулось ее колена.

София инстинктивно дернулась в сторону, но край каменной столешницы заблокировал маневр. Запах его тела — горький бергамот, крепкий табак и чистый мужской мускус — мгновенно заполнил ее легкие, лишая возможности нормально дышать.

— Ты думаешь, что объявляя голодовку, ты наказываешь меня, маленькая бунтарка? — его голос опустился до низкого, грудного шепота, вибрирующего прямо возле ее виска. — Ты думаешь, я стану бегать вокруг тебя с уговорами и молить о пощаде?

Он положил перед ней свой графитовый планшет и нажал боковую кнопку.

Экран ожил. На нем развернулась картинка с камеры видеонаблюдения высокого разрешения.

София замерла. Сердце пропустило удар.

На экране была ее мастерская. Старый полуподвал на Сретенке. Знакомые сводчатые кирпичные потолки, тяжелые резные шкафы деда, застекленные витрины, где хранились бесценные рукописи XVI–XVII веков. На дверях шкафов белели свежие сургучные печати приставов. В помещении царил полумрак, горела лишь тусклая дежурная лампа.

Но на стене возле щитка управления климатом лихорадочно мигал ярко-красный светодиод.

— Здание обесточено за долги. — Вадим коснулся красной точки на экране; София невольно придвинулась, пытаясь разглядеть показания датчика. — Городская подстанция отрубила ветку сегодня в шесть утра. Сейчас приточно-вытяжная вентиляция и осушители воздуха в твоём хранилище работают от мобильного дизель-генератора, который моя служба безопасности доставила во двор.

Он наклонился ближе, его горячее плечо прижалось к ее плечу через тонкий кашемир.



— Ты ведь реставратор высшей категории, София. Ты лучше меня знаешь технологические карты консервации. Для старинного пергамента и тряпичной бумаги критическая влажность — пятьдесят пять процентов. При шестидесяти пяти волокна набухают. При семидесяти пяти в подвале старой Москвы начинается необратимое поражение черной плесенью. Генератор жрет солянку бочками. И его работа зависит исключительно от одного моего телефонного звонка Илье.

У Софии пересохло во рту. Ледяной ужас сковал внутренности:

— Ты... ты не посмеешь. Там архив фонда. Там книги, которые мой дед спасал из блокадного Ленинграда! Они не принадлежат Артуру! Они национальное достояние!

— Они принадлежат тому, у кого в руках долговые векселя, — отрезал Чернов. В его серых глазах не было ни грамма жалости — только расчет холодного хищника. — Если ты пропускаешь прием пищи — генератор глушится на двенадцать часов. Сырость осеннего дождя сделает свое дело. К вечеру корешки покроются белым налетом. Завтра страницы начнут гнить. Выбирай, София. Твоя гордость или дело всей жизни твоего деда?

Слезы бессильной ярости обожгли глаза. Она ненавидела его. Ненавидела эту идеальную геометрию его лица, этот багровый след ее пощечины на его скуле, эту абсолютную, сокрушительную власть, против которой у нее не было ни единого оружия.

— Чудовище, — прошептала она пересохшими губами. — Ты расчетливое, мерзкое чудовище.

— Я знаю. — Вадим придвинул креман к себе, и София поняла: ее ответ лишь приблизил то, чем он угрожал.

Вадим взял серебряную ложку, зачерпнул порцию густого, шелковистого мусса из манго. Его левая рука внезапно поднялась.

Это было сделано без грубости, но с той непрекращаемой силой, которой невозможно противостоять: его широкая, раскаленная ладонь легла ей на подбородок снизу. Длинные пальцы жестко зафиксировали челюсть, большой палец с силой надавил на ямочку под нижней губой, заставляя рот приоткрыться.

— Открой, София, — скомандовал он тихо.

Она попыталась отдернуть голову, но его пальцы держали как тиски.

Вадим поднес ложку к ее губам и плавно ввел в рот, оставив прохладную, сладкую тропическую массу на ее языке.

— Глотай.

София задохнулась. Контраст между ледяным ужасом шантажа и взрывным, ярким вкусом спелого манго с каплями лайма был почти невыносим. Она невольно сглотнула.

По ее телу прокатилась судорожная, предательская дрожь. Пальцы Чернова не разжались. Напротив — его большой палец медленно, с тягучим нажимом провел по ее нижней губе, стирая крошечную упавшую каплю мусса. Прикосновение было интимным, обжигающим, запретным. Кожа на губах вспыхнула пожаром.

Чернов подался вперед еще на сантиметр. Его лицо оказалось прямо напротив ее лица. Она видела каждую черную ресничку в его глазах, темную кайму вокруг стальной радужки, тяжелый пульс на его мощной шее.

— Какая послушная девочка, — прошептал он, и его хриловатый баритон опалил ее губы. — А теперь бери вилку. И ешь омлет сама. До последнего куска. Если через десять минут тарелка не будет пустой — я продолжу кормить тебя сам. Но уверяю, тебе это понравится гораздо меньше. Или больше — что для твоей гордости будет еще страшнее.

Он разжал пальцы и убрал руку.

След его прикосновения на подбородке горел живым огнем. София судорожно втянула воздух, ее грудь под зеленым кашемиром высоко вздымалась. Внизу живота разливалась незнакомая, пугающая, пульсирующая тяжесть, которую она не могла объяснить ни гневом, ни страхом.

Она ненавидела его всем существом. Но ее тело предательски отзывалось на его близость, на его голос, на запах его кожи.

Дрожащей рукой София потянулась к тяжелой серебряной вилке. Пальцы сжались на черенке так крепко, что побелели костяшки. Не отрывая взгляда, полного кристальной, неразбавленной ненависти, от его немигающих серых глаз, она отломила кусок омлета и отправила в рот.

Чернов наблюдал за каждым ее движением. Удовлетворение на его лице было почти осязаемым — победа гроссмейстера, взявшего очередную пешку на доске.

Он поднялся, подхватил со спинки стула графитовый пиджак и накинул на плечи.

— До вечера меня не будет, — бросил он, одергивая рукава водолазки. — В шесть часов Илья примет курьера с каталогами аукционных домов Европы. Можешь изучить их в гостиной. За пределы пентхауса выхода нет. Не пытайся взламывать двери — автоматика охраны среагирует мгновенно. Приятного дня, София.

Створки приватного скоростного лифта бесшумно скользнули в стороны. Вадим Чернов шагнул в кабину. Металлические панели сомкнулись, отрезав его от нее.

София осталась одна. В тишине огромного пентхауса было слышно только, как бешено и гулко колотится ее собственное сердце. Она опустила вилку на тарелку и закрыла лицо руками.

Глава 7

Ночь накрыла пентхаус густым, бархатным, почти осязаемым саваном.

Было два часа пополуночи. Город за панорамным остеклением превратился в бездонную черную бездну, по которой рассыпались миллионы холодных неоновых огней. С северо-запада налетел шквалистый ветер, и в гигантские стекла с шелестом ударили косые струи холодного октябрьского дождя. Капли ползли вниз извилистыми блестящими змейками, дробя отражения далеких фонарей.

София лежала с открытыми глазами, вглядываясь в серый потолок. Сон не шел. Мысли металась в голове раскаленными иглами. В памяти снова и снова всплывал этот день: унизительное сожжение ее вещей, ледяное спокойствие Чернова, тяжесть его ладони на ее челюсти, сладкий, тягучий вкус манго на языке и пугающий, обжигающий огонь, который разливался по венам каждый раз, когда он оказывался рядом.

Она не могла просто сидеть и ждать, пока этот хищник проглотит ее целиком. Должен быть выход. Должна быть лазейка.

София откинула невесомое одеяло и села на край постели. На ней была лишь тонкая шелковая сорочка цвета топленого молока на узких бретельках — одна из тех, что Мари оставила в гардеробной. Тончайший натуральный шелк струился по телу жидкой прохладой, едва доходя до середины бедер. Без белья, босиком, с распущенными по плечам темно-каштановыми волнами волос, она казалась себе беззащитной и призрачной.

Она подошла к двери гостевой спальни и осторожно нажала на ручку. Механизм поддался мягко и беззвучно. Дверь не была заперта. Чернов даже не удосужился повернуть ключ: он прекрасно знал, что приватный лифт заблокирован сканером отпечатка пальца, а на лестничной клетке дежурит вооруженная охрана. Он считал ее птицей с подрезанными крыльями, которая никуда не сможет улететь из своей золоченой клетки.

«Самоуверенный мерзавец», — зло подумала София.

Сжимая в ладони тонкий корпус выданного ей корпоративного телефона — экран которого она использовала как тусклый фонарик, выставив минимальную яркость, — София выскользнула в темный коридор.

В коридоре подогрев был слабее; София ступала на паркет носками, стараясь не ставить пятки. Она двигалась бесшумно, прижимаясь к стенам, затаив дыхание и прислушиваясь к каждому шороху климатической системы. Ее целью было западное крыло пентхауса — личная библиотека и рабочий кабинет Чернова. Если где-то и хранились документы на мастерскую, дубликаты служебных пропусков от эвакуационных выходов или долговые расписки Артура — они должны были быть там.

Тяжелая двустворчатая дверь в библиотеку оказалась приоткрыта на пару сантиметров. София проскользнула внутрь и замерла, пораженная открывшимся пространством.

Луч телефона добрался до верхнего яруса и потерялся под потолком. София подняла голову вслед за ним, на секунду забыв, зачем пришла. Пятиметровые стены от пола до кессонного потолка были защищены массивными стеллажами из темного кавказского ореха. Воздух здесь пах совершенно иначе, чем в остальной стерильной квартире: он был напоен густым, пьянящим ароматом старинной кожи, пчелиного воска, дорогого трубочного табака и благородной сухой бумаги.

София провела лучом телефонного экрана по корешкам ближайшей полки — и ее сердце реставратора пропустило глухой удар.

Здесь не было показной роскоши нуворишей, заказывающих переплеты тоннами для украшения интерьера. На полках стояли подлинные сокровища: прижизненные издания Державина и Карамзина, редчайшие французские трактаты по фортификации эпохи Просвеще-

ния, фолианты в великолепных сафьяновых и марокеновых переплетах с тончайшим золотым тиснением. Чернов не просто покупал раритеты — он знал им цену. Он любил их той же тяжелой, собственнической, глубокой страстью, с которой подчинял себе людей.

На верхнем ярусе библиотеки, у самого резного карниза, София заметила узкую закрытую полку, где лежала массивная папка из черной тисненой кожи с латунным замком.

Возле стеллажа стояла кованая винтовая стремянка на бронзовых бесшумных роликах.

Не колеблясь ни секунды, София подобрала подол тонкой шелковой сорочки и ступила на нижнюю перекладину лестницы. Дерево чуть скрипнуло. Она замерла, вслушиваясь в тишину, но вокруг царила лишь безмолвная глубина ночи. Шаг. Еще шаг. Еще один.

Она поднялась на шесть ступеней. Тонкий шелк натянулся на округлых бедрах, обнажая длинные, стройные ноги почти до самого основания. Прохладный ночной воздух приятно овеивал разгоряченную кожу. София потянулась правой рукой вверх, вставая на цыпочки. Кончики пальцев коснулись холодного металла латунного замка папки...

И в этот миг снизу, из непроглядного мрака каминного угла, раздался отчетливый, сухой металлический звук.

Щелк.

Вспыхнуло короткое, яркое желтое пламя винтажной бензиновой зажигалки.

Огонек на секунду выхватил из темноты глубокое кожаное кресло, граненый хрустальный стакан на низком столике и хищный, резко очерченный мужской профиль.

От неожиданности и парализующего ужаса София вскрикнула. Нога в панике дернулась, босая пятка соскользнула с полированной лакированной ступени стремянки. Рука судорожно мазнула по корешкам книг, сбивая с полки тяжелый том.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.